

УДК 821.161.1

*Г.Ю. Карпенко, Л.Б. Карпенко****«ЮБИЛЕЙНЫЕ» ЯЗЫКОВЫЕ КЛИШЕ О ПУШКИНЕ,
ИЛИ ПОЭТ НА СЛУЖБЕ У ГОСУДАРСТВА**

В статье на материале «юбилейных» публикаций об А.С. Пушкине рассматривается процесс формирования официального мифа о нем: показывается, как жизнь и творчество Пушкина превращались в «идеологическое оружие» советской эпохи, становились высшей ценностью, ради которой надлежало жить и жертвовать собой. В работе выявляется безусловная зависимость высказываний о Пушкине от доминантных идеологем времени: они не только порождали соответствующие языковые клише и оценки, но и «выстраивали» репрессивно ориентированную культурную политику.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, миф, неповторимое, безликое, идеологическая интерпретация, канонизация.

Жизнь и творчество А.С. Пушкина всегда воспринимались и оценивались через призму тех или иных культурно-исторических стереотипов и официально навязанных мнений. Как справедливо пишет М.В. Загидуллина, из Пушкина каждая эпоха лепит нужный ей образ, превращает его в «выразителя экстралитературных явлений духовной жизни нации», в «идеологическое образование» [11]. Особое место в процессе мифосозидания образа Пушкина занимают юбилейные и знаменательные даты, связанные с его именем. Они являют удивительный пример повышенного, даже ажиотажного (спекулятивного) интереса к жизни и творчеству поэта. Наступает время, когда не только подводятся серьезные пушкиноведческие итоги, определяются исследовательские перспективы, но и оживляется языковая (мифотворческая) деятельность по созданию «нужного» образа Пушкина, новых стереотипов его восприятия. Пушкин из пространства творчества, актуализирующего индивидуальное и неповторимое, переносится в пространство мифа, возбуждающего безликое и массовидно-коллективное. Стратегия такого переноса определяется логикой актуализации

* © Карпенко Г.Ю., Карпенко Л.Б., 2016

Карпенко Геннадий Юрьевич (karpenko.gennady@gmail.com), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, *Карпенко Людмила Борисовна* (karpenko.gennady@gmail.com), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

в творчестве и биографии Пушкина идеологически полезных государству идей и фактов. В духовном наследии поэта ценным признается только то, что значимо и полезно для доминантных (официальных) структур эпохи.

Хотя и накоплен достаточный материал, чтобы по юбилейным вехам проследить формирование лексико-идеологических кодов, определяющих отношение к Пушкину как к национальному феномену [17; 25; 28; 30], однако несколько в стороне остались пушкинские юбилеи 1920–1940-х годов, когда зарождался и «раскручивался» советский миф о Пушкине. В данной статье внимание будет уделено оценочным суждениям, языковым клише, которые особенно в памятные даты содействовали формированию в массовом сознании стереотипного представления о Пушкине.

Но нужно сказать, что «огосударствление» Пушкина, превращение его в нужного власти гражданина начиналось не в советский период. О.С. Муравьева выделяет 1880–1890-е годы в качестве решающих, когда активно создавался миф о Пушкине [20]. Но только в 100-летнюю годовщину со дня рождения Пушкина в роли организатора юбилея впервые выступило правительство, поставившее себе цель провести торжества так, чтобы они имели «воспитательное значение для народа» [1, с. 302]. В России с этого времени начинается процесс канонизации официального образа поэта: Пушкин становится народным поэтом и поэтом империи. В русской культуре оформляется миф о Пушкине, прозревавшем будущее России, проявляющем любовь к простому народу, демонстрирующем преданность власти и разделяющем официальные настроения времени.

В юбилейный год сложились и своеобразные поэтические клише, образные штампы, которые обретут жизнь в советский период: они повысятся в своем социальном статусе и будут звучать уже не как лирические откровения отдельных поэтов, а как официальные мифологемы, овладевающие сознанием масс. Интересную подборку таких примеров приводит О.С. Муравьева. О Пушкине писали как о «нашей гордости» и «нашей славе», как о «великом поэте великого народа», как об «учителе дорогом» [20, с. 115–116]. «Ты знал, что в будущем тот славный день придет, когда учителя найдет в тебе народ», — писал один из почитателей-подражателей в стихотворении «Ты памятник себе воздвигнул превосходный» [26, с. 188].

Но и в 100-летний юбилей Пушкин еще не стал безусловной мифологемой, вне-рефлексивной ценностью: значимость его произведений и авторитет его личности еще можно было оспорить и поставить под сомнение. Показательно в этой связи неприятие Пушкина, имеющее, может быть, случайный и (в свете сегодняшнего дня) анекдотичный характер. Как пишет В. Тренин, из «массовых» произведений Пушкина особенно пострадала «Сказка о попе и работнике его Балде». Так, например, в народном училище Саратовской губернии по распоряжению директора сказка о Балде была вырезана из собраний сочинений Пушкина. А в Майкопе местный протоиерей обратился с обличительной речью к учащимся, о чем и рассказали «Кубанские областные ведомости»: «Знаете, кто был этот раб Божий Александр?! Это был поэт. Он всю жизнь свою пел песни, и многие из них не нравственные, о которых сам поэт жалел... Только неучи, недоучки, недоросли могут приходить в восхищение от такой сказки, как сказка о работнике Балде. И эту сказку читают иные педагоги в школах. Только разве это педагоги — это наемники продажные, которых на порог школы не следует пускать» [29, с. 238].

В 100-летний юбилей начальствующие чиновники демонстрировали свое понимание Пушкина. Так, Серпуховская дума приняла такое постановление: «Ввиду того, что Пушкин ничего особенного для Серпухова не сделал, ходатайство директора гимназии об учреждении в память Пушкина городского училища отклонить». А начальство Екатерининской службы железнодорожной тяги на просьбу служащих

отметить юбилей отреагировало таким образом, предварительно проверив соответствующие документы: «Г-н Пушкин никогда по министерству путей сообщения не служил... чувствовать так или иначе его — дело писателей, а не железнодорожных агентов» [29, с. 239]. Но даже такие нелепые резолюции свидетельствуют, что к Пушкину стали относиться как к государственному человеку, как к служащему государства, стали применять к нему критерии государственной пользы.

Примечательно, что после 1917 года миф о Пушкине как советском поэте, друге советского народа сформировался не сразу, а только в 1930-е годы и стал «общим местом» в 1940-е. Интересные наблюдения и выводы делает О.С. Муравьева, обращаясь к проблеме советской мифологизации Пушкина [20, с. 124–133].

В 1920-е годы Пушкин еще не воспринимался в качестве полезного мифа советской культуры. В 1927 году 90-летняя годовщина со дня смерти Пушкина не получила значения знаменательной даты. Власть еще мало обращала внимания на Пушкина и не думала об официальном статусе поэта. Он пока полностью находился в распоряжении критиков и литературоведов. В литературоведении только намечались подходы и схемы «советского изучения» творчества Пушкина, которые в дальнейшем приведут к канонизации образа поэта, к превращению его в одну из центральных фигур советской культуры.

Литературоведением, в котором господствовал социологический метод, еще не была решена задача: как из Пушкина-дворянина сделать советского человека. В 1927 году о Пушкине говорили как о «деклассированном дворянине» и выявляли «дворянско-классовый характер пушкинской поэзии» [3; 14, с. 22]. Показательны в этом отношении интерпретации «Медного всадника», сложившиеся в 1920-е годы. Пушкинская поэма рассматривалась преимущественно «с марксистской точки зрения». Используя принцип социологической типизации, литературоведы отвечали на вопрос, какое социальное явление символизирует тот или иной образ. С одной марксистской точки зрения получалось так, что «град Петров — продукт промышленного товарного капитала», Нева — «буйно рвущийся капитал», а Евгений — «трубящийся», погибающий без марксистской теории под натиском капитала [9, с. 23–27]. Д. Благой предложил другое понимание поэмы: «В “Медном всаднике” в символических образах Петра и Евгения Пушкин изображает социальную борьбу деклассированного русского дворянства с самодержавием... Больше того, “Медный всадник”, на наш взгляд, — продолжает Д. Благой, — является символическим изображением конкретного исторического события — восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года» [4, с. 25–26]. Но как быть с петербургским наводнением, которое случилось 7 ноября 1824 года? Д. Благой считает, что Пушкин просто обманул цензуру: события — наводнение и восстание декабристов — не совпадают «по времени», но они зато совпадают «по пространству»: мятеж Евгения и восстание происходят «на площади Петровой» [4, с. 26]. Это совпадение и доказывает, что Пушкин в символической форме изобразил восстание декабристов. Однако Д. Благой не связывает напрямую изображаемое событие с авторской оценкой. Пушкин, по мнению ученого, хотя и намечает «этот мотив победоносного наводнения — символа грядущей революции», сам же он призывает к примирению [4, с. 33].

Если в 1920-е годы доминировал классовый подход в изучении произведений Пушкина, что значительно сужало возможность понимания духовного наследия поэта, то в 1930-е годы встал вопрос о народном характере творчества писателя, о его гуманистической направленности. Литературоведению нужно было решить ключевую методологическую проблему: теоретически обосновать наличие в творчестве Пушкина такого содержания, которое близко народным массам, созвучно современной эпохе. «Родной и близкий всем» — так называлась одна из заметок того времени, в которой давался краткий обзор откликов «трубящихся» на творчество Пушкина [24, с. 42–43]. А для социально-родственного сближения поэта с народными массами его необходимо было оторвать от всего «чуждого», то есть дворянского. Процессу «пролетаривания» Пушкина способствовали высказывания «основоположника пролетарской литературы»

М. Горького, который, в частности, директивно писал: «Мы должны уметь отделить от него то, что в нем случайно, то, что объясняется условиями времени и личными унаследованными качествами — все дворянское, все временное — это не наше, это чуждо и не нужно нам... Пушкин выходит из рамок классовой психики, возвышается над тенденциями класса... понял интеллектуальную нищету своего класса» [8, с. 14].

Правильному истолкованию Пушкина оказала соответствующую помощь партийная печать, прежде всего передовые статьи в газете «Правда», опубликованные в 1935—1937 годах и специально посвященные изучению и пропаганде пушкинского наследия. «Правдой» и всей советской общественностью были подвергнуты резкой критике некоторые выводы пушкинистов и даже опровергнуты объективные факты биографии Пушкина. 10 февраля 1937 года в газете «Правда» писалось: «Пушкин был дворянином... Какая низкая клевета. Пушкин прежде всего народен» [23, с. 1]. Импульс правильному истолкованию глубоко народного Пушкина исходил не от пушкинистов, а от партии и от народных масс. Как писали Б.С. Мейлах и Н.С. Горницкая, в результате всенародного изучения творчества Пушкина в кишлаках и колхозах было указано «на убожество рассуждений критиков, извращавших Пушкина, по-сектантски ограничивавших его роль в истории России и в строительстве новой социалистической культуры» [19, с. 29].

Понятно, что литературоведы вынуждены были истолковывать творчество Пушкина в направлении, заданном партией, должны были сблизить Пушкина с социализмом. В 1936 году в журнале «Октябрь» (№ 9—11), а в 1937 году отдельным изданием была опубликована работа В.Я. Кирпотина «Наследие Пушкина и коммунизм» [13]. В творчестве Пушкина ученый выявил те мотивы, которые «роднят великого поэта с нашей сталинской эпохой». Пушкин стал современником сталинской эпохи, был включен в ряд сакральных имен: Ленин — Сталин — Пушкин. И уже его именем, его живыми словами скрепляли приговоры. В «Литературном критике» за 1937 год (№ 2) статья «Лакеи фашизма», в которой говорилось о суде «над бандой двуногих тварей», заканчивалась словами: «Народ вынес суровый приговор... Социалистический народ идет вперед, и на его устах слова великого русского поэта: “Да здравствует солнце, да скроется тьма!”» [16, с. 12]. Пушкин таким способом становился чуть ли не верховным судьей на сталинских процессах.

Проблема осовременивания Пушкина решалась также и при помощи художественных и научно-публицистических средств. В девятом номере журнала «Смена» за 1936 год А. Косарев писал: «Пушкин вошел в нашу эпоху как современник. Он больше наш современник, чем был современником своему поколению» [15, с. 5]. В первом номере «Нового мира» за 1937 год, посвященном Пушкину и... Сталину, о поэте говорилось как о живом современнике. Пушкин буквально материализовывался в ценностном пространстве советской эпохи, возникал эффект его реального присутствия. «Пушкин близок и дорог трудящимся массам Советской страны», он «лучший друг наш», — утверждал Н. Глаголев [7, с. 227, 239]. Такой эффект реального пушкинского присутствия достигался сверхлогическими средствами и был связан с некими волшебными процессами, которые были возможны только в советской стране. «В Советской стране, — вдохновенно писал Н. Глаголев, — люди растут не по дням, а по часам» [7, с. 239]. Только в чудесном пространстве советской страны мог ожить Пушкин. Советские люди той эпохи свидетельствовали: он «родным и близким пришел в этот зал» [24, с. 43]. Киргизский поэт Дж. Боконбаев признавался: «Киргизу Пушкин друг. И тунгусы тебя любят. Мы с тобой, Пушкин, встретились... Мой друг Пушкин» [5, с. 24]. В. Казин утверждал: «Локоть о локоть ты с новой эпохой идешь» [12, с. 11]. «Наступило его торжество, — писал уже А. Жаров. — На районных партийных активах обсуждают творенья его» [10, с. 13]. «На родном тунгусском языке твердит тихонько пушкинские строки» старик тунгус [2, с. 17]. А тон всем этим стихотворным и публицистическим откровениям задавал Г. Санников: «Всею советскою страною / Ты вождем поэтов признан / И могучею волною / Входишь в мир социализма... / Да здравствует Сталин! / Да здравствуют песни!» [27, с. 10].

Назвать Пушкина вождем значило ввести его в круг самых сакральных имен советской эпохи. Пушкин оказывался в одном ряду с Лениным и Сталиным. Приговоры, скрепленные словами Пушкина, и прославление его имени в одном ряду с именем Сталина способствовали превращению поэта во всеисторический культурный феномен, в мифологическую фигуру. В середине 1930-х годов Пушкин в советской культуре проходил своеобразный обряд инициации: он был повязан кровью и удостоился чести быть рядом со Сталиным. Если Г. Санников писал о вожде Пушкине, то В. Гаприндашвили в этом же номере журнала «Новый мир» (1937. № 1) писал о вожде Сталине. Тем самым в общественном сознании ценности социализма и творчества Пушкина отождествились.

Канонизация Пушкина находила свое закрепление и выражение в языке. Газетные и журнальные публикации 1937 и 1949 годов поражают своим однообразием заголовков. Заголовок строится вокруг опорных слов – *великий, гений, слава, гордость* – и структурно соотносит Пушкина с современностью. Например, «Великий поэт великого народа». Причем если в 1937 году таких явных оценочных заголовков было не очень много, то в 1949 году тон ликующему однообразию задает газета «Правда»: 6 июня вышла передовая статья «Слава и гордость великого русского народа». Все остальные публикации должны были обязательно содержать какое-нибудь ключевое слово. Интересный факт: статья профессора Ленинградского университета В.А. Мануйлова «Великий русский поэт» перепечатывалась в юбилейные дни в разных газетах столичного и областного уровня 21 раз.

Одна из главных задач пушкинских юбилеев – пропаганда творчества Пушкина среди народа, среди народных масс. С этой целью для библиотекарей, пропагандистов и лекторов выпускались такие методические указания, как «В помощь библиотекарю Азово-Черноморского края к проведению столетней годовщины со дня смерти Пушкина» (Ростов-на-Дону, 1936), «В помощь сельскому библиотекарю-передвижнику» (автор Е.П. Коршунова, М., 1936) или «Указатель произведений А.С. Пушкина для громких чтот» (М., 1937).

Газеты и журналы должны были публиковать свидетельства о «подлинном всенародном празднестве», рассказывать о том, как пушкинское творчество проникает в трудящиеся массы, как они любят Пушкина. Один из таких отчетов приводит И. Айзеншток: «В Одессе в квартире шофера Лысенко состоялось необычное собрание. Живущие по Пушкинской улице граждане Одессы собрались, чтобы почтить память Пушкина. Школьница Алла Бубликова, дочь моряка, прочла “Послание в Сибирь”» («Во глубине сибирских руд») [1, с. 303].

В 1937 году Пушкин стал любимым поэтом не только советского народа. В журнале «Смена» (1937, № 6) была помещена заметка «Любимый поэт негров», в которой, в частности, писалось: «Пушкин долго был неизвестен неграм Соединенных Штатов Америки. Однако в настоящее время негры уже знают и любят великого русского поэта» [18]. И дальше сообщалось, что Пушкин включен в энциклопедию «Знаменитые люди негритянской расы», что биография поэта опубликована «на негритянском языке» [18].

В 1949 году борьба за Пушкина продолжалась с новой силой и изобретательностью: Пушкина опять нужно было спасти от врагов и реанимировать. Особой темой стала тема предотвращения дуэли. В юбилейный год хлынул поток литературы, где советские люди выражали свою готовность совершить героический поступок, чтобы спасти Пушкина от смерти.

Н. Грибачев в стихотворении «Поэт» так описывает свои смелые действия: «Я в упор, шагов с пяти, в Дантеса целюсь из ружья, чтоб Пушкина спасти». А М. Светлов в стихотворении «Тихо светит месяц серебристый...» рассказывает о сне комсомольца: «Он бежал сквозь зимнее ненастье... Разве можно было не спешить, чтоб непоправимое несчастье, как угодно, но предотвратить».

В юбилейный год советский народ в очередной раз спас Пушкина от смерти. И уже живой Пушкин радуется за советского человека, о чем и поведал в стихотворении «Нет, весь я не умру...» А. Гукасян: «О, я знаю, ты счастлив, мой друг дорогой, что живешь в советской стране!» [22].

Как видим, в волшебном пространстве советской страны с Пушкиным случались чудесные превращения. Он мог быть любимым поэтом не только советского народа, но и других народов. В 1949 году Пушкин стал любимым поэтом китайцев, о чем и рассказал «Новый мир» (1949, № 6).

В 1999 году – в год 200-летия со дня рождения поэта – со сменой социально-политического климата в стране к государственной канонизации Пушкина добавляется еще и религиозная.

Интересный (и вполне закономерный) поворот в осмыслении личности Пушкина, обусловленный отрывшимися возможностями новой эпохи, был связан с «христианизацией» его образа. В науке творчество Пушкина связывается с картиной русского мира, с особенностями национального менталитета. В.С. Непомнящий в своей обширной монографии «Пушкин: Русская картина мира» (М., 1999) доказывает, что реальным смыслом пушкинского творчества, его «надмирным» заданием было восстановление связи (буквально – religio), воссоединение «концов» русской культурной истории, разрубленной Петром. В основе пушкинского творчества – мир христианских ценностей, воплощенных в их именно русском (иногда почти «рублевском») облике. В.С. Непомнящий говорит о мудрой приверженности Пушкина к православной вере, проявляющейся у него без особой рефлексии и поэтому оказывающейся глубинной, незыблемой и фундаментальной. Пушкин в своем творчестве запечатлевает «сплошную священность Бытия, передавая его иерархию, его совершенство и красоту, его драму и его цель» [21].

Как показывает Е.Н. Вагнер, в культуре в соответствии с христианскими представлениями о троичности Бога оформляется и христианский миф о Пушкине. Он включает следующие компоненты: Пушкин-Отец – создатель русской литературы, языка, культуры, сотворивший Словом целую вселенную; Пушкин-Сын, Русский Христос, преданный современниками и невинно убиенный в 37 лет – в возрасте, ставшем для русского культурного сознания не менее значимым и роковым, чем Христово 33-летие; наконец, Пушкин – Святой Дух, пребывающий ныне и присно в каждом русском сердце, в каждом храме науки или культуры, во всей России, ставшей «пушкинским домом» [6].

Итак, заключая, можно сказать, в каких бы формах, высоких или низких, сакральных или профанных, интерес к Пушкину ни проявлялся, они составляют процесс мифологизации Поэта, получают свое устойчивое закрепление в языковых клише эпохи и тем самым свидетельствуют о «вечной» потребности всякого русского человека в национально-культурном самоопределении. Но если раньше данный процесс «самоидентификации» контролировался-определялся государством и Пушкин был у него на службе, то сегодня Пушкин, оставаясь на уровне риторических суждений «нашим все», оказался в «переходной зоне», когда с ним может всякое случиться. Будем ждать очередных превращений Пушкина и сами участвовать в них.

Библиографический список

1. Айзеншток И. Три юбилея (Исторические справки) // Литературный современник. 1937. № 1.
2. Берг Л. // Новый мир. 1937. № 1.
3. Благой Д.Д. Классовое самосознание Пушкина. М., 1927.
4. Благой Д.Д. Миф Пушкина о декабристах // Печать и революция. 1926. Кн. пятая. Июль-август.

5. Боконбаев Дж. // Новый мир. 1937. № 1.
6. Вагнер Е.Н. Национальные культурные мифы в литературе русского постмодернизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007.
7. Глаголев Н. Пушкин и современность // Новый мир. 1937. № 1.
8. Горький М. О Пушкине // Смена. 1936. № 9.
9. Егорашвили Д. Две революции — «Медный всадник» Пушкина и «Двенадцать» Ал. Блока. Тифлис, 1923.
10. Жаров А. // Новый мир. 1937. № 1.
11. Загидуллина М.В. Классические литературные феномены как историко-функциональная проблема (творчество А.С. Пушкина в рецептивном аспекте): дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2002.
12. Казин В. // Новый мир. 1937. № 1.
13. Кирпотина В.Я. Наследие Пушкина и коммунизм. М., 1937.
14. Коган П.С. Пушкин и Гоголь в марксистской критике // На литературном посту. 1927. № 5–6.
15. Косарев А. Читайте Пушкина! // Смена. 1936. № 9.
16. Литературный критик. 1937. № 2.
17. Лобода А.М. Очерк пушкинской юбилейной литературы. Киев, 1900.
18. Любимый поэт негров // Смена. 1937. № 6.
19. Мейлах Б.С., Горницкая Н.С. А.С. Пушкин. Семинарий. Л., 1959.
20. Муравьева О.С. Образ Пушкина: Исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994.
21. Непомнящий В.С. Пушкин: Русская картина мира. М., 1999.
22. Новый мир. 1949. № 6.
23. Правда. 1937. 10 февраля.
24. Перегудов А. Родной и близкий всем // Новый мир. 1937. № 1.
25. Розанов И.Н. Литературные репутации. М., 1928.
26. Русские поэты о Пушкине / сост. В. Коллаш. М., 1899.
27. Санников Г. // Новый мир. 1937. № 1.
28. Сиповский В.В. Пушкинская юбилейная литература. 1899–1900. Критико-библиографический обзор. СПб., 1902.
29. Тренин В. Как чествовали Пушкина в царской России // Литературный критик. 1937. № 1.
30. Фаресов А.И. А.С. Пушкин и чествование его памяти. СПб., 1899.

References

1. Eisenstock I. *Tri iubileia (Istoricheskie spravki)* [Three jubilees (Historical reference)]. *Literaturnyi sovremennik* [Literary contemporary], 1937, no. 1 [in Russian].
2. Berg L. *Novyi mir* [New world], 1937, no. 1 [in Russian].
3. Blagoy D.D. *Klassovoe samoznanie Pushkina* [Class consciousness of Pushkin]. М., 1927.
4. Blagoy D.D. *Mif Pushkina o dekabristakh* [Pushkin's myth about the Decembrists]. *Pechat' i revoliutsiia* [Print and revolution], 1926, Book Five. July-August [in Russian].
5. Bokonbaev G. *Novyi mir* [New world], 1937, no. 1 [in Russian].
6. Wagner E.N. *Natsional'nye kul'turnye mify v literature russkogo postmodernizma. Avtoref. ...kand. filol. nauk* [National cultural myths in the literature of Russian postmodernism. Author's abstract of Candidate's of Philological Sciences .thesis]. Barnaul, 2007 [in Russian].
7. Glagolev N. *Pushkin i sovremennost'* [Pushkin and the present]. *Novyi mir* [New world], 1937, no. 1 [in Russian].
8. Gorky M. *O Pushkine* [About Pushkin]. *Smena*, 1936, no. 9 [in Russian].
9. Egiashvili D. *Dve revoliutsii — "Mednyi vsadnik" Pushkina i "Dvenadtsat'" Al. Bloka* [Two revolutions — "The bronze horseman" by Pushkin and "The Twelve" by Al. Block]. Tiflis, 1923 [in Russian].
10. Zharov A. *Novyi mir* [New world], 1937, no. 1 [in Russian].
11. Zagidullina M.V. *Klassicheskie literaturnye fenomeny kak istoriko-funktsional'naiia problema (tvorchestvo A.S.Pushkina v retseptivnom aspekte). Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk* [Classical literary phenomena as a historical-functional problem (creativity of A.S. Pushkin in the receptive aspect). Doctor's of Philological Sciences thesis]. Ekaterinburg, 2002 [in Russian].

12. Kazin V. *Novyi mir* [New world], 1937, no. 1 [in Russian].
13. Kirpotina V.Ya. *Nasledie Pushkina i kommunizm* [Pushkin's legacy and communism]. M., 1937 [in Russian].
14. Kogan P.S. *Pushkin i Gogol' v marksistskoi kritike* [Pushkin and Gogol in the Marxist criticism]. *Na literaturnom postu* [On the literary post], 1927, no. 5–6 [in Russian].
15. Kosarev A. *Chitaite Pushkina!* [Read Pushkin!]. *Smena*, 1936, no. 9 [in Russian].
16. *Literaturnyi kritik* [Literary critic], 1937, no. 2 [in Russian].
17. Loboda A.M. *Ocherk pushkinskoi iubileinoi literatury* [Sketch of Pushkin's jubilee literature]. Kiev, 1900 [in Russian].
18. *Liubimyi poet negrov* [Favorite poet of the blacks]. *Smena*, 1937, no. 6 [in Russian].
19. Meilakh B.S., Gornitzkaya N.S. *A.S. Pushkin. Seminarii* [A.S. Pushkin. Seminar]. L., 1959 [in Russian].
20. Muravieva O.S. *Obraz Pushkina: Istoricheskie metamorfozy* [The image of Pushkin: Historical metamorphoses]. In: *Legendy i mify o Pushkine* [Legends and myths about Pushkin]. SPb., 1994 [in Russian].
21. Nepomnyashchii V.S. *Pushkin: Russkaia kartina mira* [Pushkin: Russian world view]. M., 1999 [in Russian].
22. *Novyi mir* [New world], 1949, no. 6 [in Russian].
23. *Pravda*, 1937, February 10 [in Russian].
24. Peregudov A. *Rodnoi i blizkii vsem* [Native and close to all]. *Novyi mir* [New world], 1937, no. 1 [in Russian].
25. Rozanov I.N. *Literaturnye reputatsii* [Literary reputations]. M., 1928 [in Russian].
26. *Russkie poety o Pushkine. Sost. V. Kollash* [Russian poets about Pushkin. Compiler V. Kollash]. M., 1899 [in Russian].
27. Sannikov G. *Novyi mir* [New world], 1937, no. 1 [in Russian].
28. Sipovsky V.V. *Pushkinskaia iubileinaia literatura. 1899–1900. Kritiko-bibliograficheskii obzor* [Pushkin jubilee literature. 1899–1900. Critical and bibliographic review]. SPb., 1902 [in Russian].
29. Trenin V. *Kak chestvovali Pushkina v tsarskoi Rossii* [How Pushkin was honored in tsarist Russia]. *Literaturnyi kritik* [Literary critic], 1937, no. 1 [in Russian].
30. Pharesov A.I. *A.S. Pushkin i chestvovanie ego pamiati* [A.S. Pushkin and honoring his memory]. SPb., 1899 [in Russian].

*G. Yu. Karpenko, L. B. Karpenko**

«JUBILE» LANGUAGE CLICHES ABOUT PUSHKIN, OR A POET IN THE SERVICE OF THE STATE

The article is devoted to the «anniversary» publications about A.S. Pushkin, to the process of formation of official myth about him, it shows how life and works of Pushkin turned into «ideological weapon» of the Soviet era, becoming the highest value for which was to live and sacrifice themselves. The work reveals the absolute dependency of statements about Pushkin from the dominant ideologies of the time: not only did they rise to the corresponding language cliches and evaluation, but «built» repressive oriented cultural policy.

Key words: A.S. Pushkin, myth, unique, impersonal, ideological interpretation, canonization.

Статья поступила в редакцию 5/XI/2016.
The article received 5/XI/2016.

* *Karpenko Gennady Yurievich* (karpenko.gennady@gmail.com), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, *Karpenko Lyudmila Borisovna* (karpenko.gennady@gmail.com), Department of Russian Language and Mass Communications, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.